

1854.

КАВКАЗЪ

№ 97.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 • 50 к.
Объявленія печатаются съ платою за
каждую букву по ¼ коп. серебромъ.

11 Декабря,

СУББОТА.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшія приказы: по военному ведомству 15—20 ноября и 23 сентября. Монаршее благоволеніе. Высоч. прик. о чинахъ граждан.—14 ноября. и Указы. Распоряженія о семействахъ морскихъ чиновъ. Письмо изъ Курска. **КАВКАЗЪ:** Тифлисъ. **ФЕЛЬЕТОНЪ:** Севильскій Цирюльникъ въ Тифлисъ. **ИНОСТРАНЦЫЯ ИЗВѢСТІЯ:** Извѣстія съ Бал. и Чермга Морей. Англія. Франція. Австрія. Испанія. Италия. Турція. (въ прибав.) **УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.** Шамилъ въ Парижъ и Шамилъ по-ближе. (продолженіе.)

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДИРОВАННЫМЪ.

Ноября 15-го дня 1854 года. **Производится.** По Пѣхотѣ. Егерскихъ полковъ: Тифлискаго, Прапорщикъ **Добрянскій**—въ Эриванскій Карabinieri Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ. По Артиллеріи. 20-й Артиллерійской бригады Прапорщикъ **Баратынскій**, въ 16-ю Артиллерійскую бригаду. **Увольняется, въ отпускъ.** По Пѣхотѣ. Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова полка Капитанъ **Ковалевъ**, для излеченія болѣзни, отъ раны и контузии происходящей, въ губерніи Екатеринбургскую, Полтавскую, Тульскую и Могилевскую, на одиннадцать мѣсяцевъ. **Умерши исключаются изъ списковъ.** По Пѣхотѣ. Эриванскаго Карabinieri Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка Подполковникъ **Гавриловъ**, отъ полученной въ сраженіи противъ Турокъ раны. Апшеронскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ **Протопоповъ**.

Ноября 16-го дня. **Производится.** Въ Прапорщики: По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ полковъ: Рязанскаго, изъ унтеръ-офицеровъ: **Козловъ 1-й** и **Козловъ 2-й**. Рязскаго: изъ подпрапорщиковъ **Марченко** и изъ унтеръ-офицеровъ **Масловъ**. Тульскаго Егерскаго полка, изъ юнкеровъ **Васильевъ**. **За выслугею узаконенныя лѣты:** По Пѣхотѣ. Рязскаго Пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ въ Прапорщики **Высоцкій**.

Ноября 17-го дня. **Производится:** **За отличіе въ дѣль противъ Горцевъ.** По Иррегулярнымъ Войскамъ. Донскаго Казачьяго № 18-го полка Есаулъ **Костинъ**, въ Войсковые Старшины. **За отличіе въ сраженіи противъ Турокъ.** По Артиллеріи. Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады сейерверкеръ **Кодлубовскій**, въ Прапорщичи, въ 19-ю Артиллерійскую бригаду,—оба со старшинствомъ: первый съ 21-го Сентября, а послѣдній съ 19-го Ноября 1853 года. **Производится.** Брестскаго Пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитанъ **Фонъ-Клоостерманъ**—въ 7-й запасный баталіонъ Блестокскаго Пѣхотнаго. **Увольняется: въ отпускъ.** По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Принца Виртембергскаго полка Штабсъ-Капитанъ **Кузьминъ-Короваевъ**, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, въ Тверскую и Ярославскую губерніи, на шесть мѣсяцевъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ

ВЪ ТИФЛИСѢ.

(Письмо Ростиславу.)

Ты вспомнилъ обо мнѣ посреди столичнаго шума, между двумя итальянскими операми, между четырьмя газетными статьями. Хотя изъ одной благодарности, и долженъ откликнуться. Я уже давно выбылъ изъ вашего опернаго и литературнаго круга, а ты еще недавно началъ проповѣдывать, и съ похвалой, заслуженнымъ успѣхомъ. Тебѣ вздумалось прогуляться по пустополю моему пою нашей Словесности. Въ добрый часъ: была-бы охота. Имя Ростислава сверкаетъ въ фельетонахъ почти всѣхъ петербургскихъ газетъ. Ты овладеешь, по праву вкуса и знанія, музыкальной критикой столицы. Сужденія твои сыплются фюригурами и аллегретами на русскіе и итальянскіе мотивы. Тебѣ и книги въ руки, да и ноты туда-же.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, тебѣ вздумалось бросить перчатку за 3000 верстъ, и вызвать меня не на простой турниръ, а на журнальный бой. Но, любезный Ростиславъ (puisque Rostislaffy a), ты предлагаешь мнѣ странную роль. Ты хочешь, чтобъ я защищалъ тривиальный элементъ нашей литературы. Чѣмъ-же я это заслужилъ? Когда-же я былъ поборникомъ безвкусіа? Моя муза мѣняла часто наряды, но она всегда была благосклонная; не выбѣгала расстреланная и раскрасившаяся изъ мелочныхъ лавочекъ, не искала народности на толкучемъ рынкѣ, а по этому и была, можетъ быть, всегда немного бѣдна, какъ и слѣдуетъ быть свѣтской дамѣ.

Отвѣчая прямо на твое письмо, скажу тебѣ только, что, по моему убѣжденію, Гоголь былъ великій писатель не

Ноября 18-го дня. **Производится:** **Изъ унтеръ-офицеровъ въ Прапорщичи:** **За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ.** По Пѣхотѣ. Пѣхотнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Насквичи-Эриванскаго полка **Калугинъ**. По Ливійнымъ баталіонамъ. Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 8-го **Дехенко**, со старшинствомъ съ 22-го Декабря 1852 года. **За отличіе по службѣ.** По Пѣхотѣ. Пѣхотнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Насквичи-Эриванскаго полка **Махмедъ-Али-Султановъ** и **Каманскій**.

Ноября 19-го дня. **Производится:** **За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ.** По Пѣхотѣ. Кубанскаго Егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ въ Прапорщичи **Сутгофъ**. **Увольняется отъ службы.** Брестскаго Пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитанъ **Танснъ**, за болѣзнію, съ мундиромъ.

Ноября 20-го дня. **Назначается.** По Артиллеріи. Помощникъ Начальника Артиллерійскихъ гарнизоновъ Грузинскаго округа, Генералъ-майоръ **Кипиенскій 1-й**, Командующій 6-ю Артиллерійскою дивизіею. **Переводится.** По Пѣхотѣ. Гренадерскаго Императора Австрійскаго полка Поручикъ **Гольмъ**, въ Егерскій Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова полкъ. Бывскаго Егерскаго полка Майоръ **Николевъ**, въ Комисариатскій штатъ, съ зачисленіемъ по Арміи и съ назначеніемъ Смотрителемъ Кавказскаго Подвижнаго № 2-го госпиталя. По Корпусу Лѣсничихъ. Ставропольскій Губернскій Лѣсничій, Подполковникъ **Спасовскій**, въ Рязскій Пѣхотный полкъ.

ПО ИРРЕГУЛЯРНЫМЪ ВОЙСКАМЪ.

Сентября 23-го дня 1854 года. **Производится за отличіе по службѣ.** Изъ Хорунжихъ въ Сотники: Начальникъ Новоархареваго станицы Василій **Былескскій** и Горскаго Казачьяго полка, Начальникъ станицы Прохладной, Леонъ **Яковлевъ**. Изъ за-урядъ Хорунжихъ въ Хорунжіе, Горскаго Казачьяго полка, Начальникъ станицы Павловской, Иванъ **Въгушинъ**. Изъ урядниковъ въ Хорунжіе, 1-го Кубанскаго Казачьяго полка Командующій Успенскою станицею Акимъ **Лавровъ**, съ оставленіемъ въ этой должности. По милиціи: Изъ Капитановъ въ Майоръ, прикомандированный къ Горскому Казачьему полку Кайсувъ Мисоустовъ **Анзоровъ**. Изъ Штабсъ-Ротмистровъ въ Ротмистры, состоящій при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ Крымъ-Султанъ **Дударовъ**. Изъ Поручиковъ въ Штабсъ-Капитаны, Тагаурскаго общества Бой **Шенаевъ**. Изъ Подпоручиковъ въ Поручики, Письменный переводчикъ Канцеляріи Временно-Командующаго войсками на Кавказской Линіи, по управленію мирными Горцами, Абдулъ-Касимъ-Бекъ **Манатовъ**. Изъ Прапорщичиковъ въ Подпоручики: Назрановскаго общества—Тезурио **Гулевъ**, Тагаурскаго общества—Магомедъ **Есеневъ**, и временной Кахетинской милиціи Князь Георгій **Джаидеровъ**. Въ Прапорщичи, Чегемскаго племени

потому, что позволялъ себѣ, и то изрѣдка, кое-какія переселенія выходки, а не смотря на то, что позволялъ ихъ себѣ. Это былъ недостатокъ отъ избытка силы. Онъ употребилъ иногда тривиальныя выраженія, но никогда тривиально не думалъ, чѣмъ не могутъ похвалиться нѣкоторые лютые его критики. Въ самомъ безукоризненномъ слогѣ отзывается нѣрѣдко пошлость вымысла, тогда какъ самыя пошлыя слова и даже картины не могутъ ослабить самороднаго дара творчества.

Никогда, впрочемъ, Гоголь не покушался отнимать у жизни, и слѣдовательно у искусства, ея поэтическую, идеальную сторону. И Гоголь и Тургеневъ, на котораго ты ссылаешься, не заслужили бы своей извѣстности, если-бы они стремились къ такой дѣли. По прочтеніи ихъ произведеній, тебѣ становится грустно, а въ грусти всегда таится поэзія; къ тому-же я-бы могъ указать тебѣ на многіи, истинно прекрасныя и поэтическія мѣста въ ихъ сочиненіяхъ; но ты самъ имъ сочувствуешь, самъ ихъ понимаешь, даже лучше многіихъ, черезъ-чуръ восторженныя ихъ цинителіи. Но гдѣ-же люди безъ упрека, гдѣ таланты безъ недостатковъ? И Шекспиръ грѣшилъ противъ вкуса, а не смотря на то, онъ былъ Шекспиръ; и Мольеръ пересаливалъ, а выше его еще не бывало; и Бетховенъ перемудрилъ не разъ на своемъ вѣку, и Россія не всегда ровенъ, а все-таки ихъ произведенія сдѣлались достояніемъ всего человѣчества.

Мы возставать не будемъ другъ противъ друга. Какая можетъ быть борьба, когда противники стоятъ за одно и тоже? Но ты хочешь отвѣта, хочешь письма объ эстетическомъ вкусѣ въ искусствѣ. Отвѣтъ свой я нашелъ во вчерашней афишкѣ. Въ Тифлисъ давали Севильскаго Цирюльника. Вотъ безспорно произведеніе двухъ огромныхъ талантовъ, въ которомъ вкусъ доведенъ до гениальности.

И задача была для нихъ тѣмъ болѣе трудная, что никакихъ драматическихъ уловокъ, никакихъ сценическихъ эффектовъ, даже никакихъ страстей въ избранную пилтскую раму не входило.

Таубій, юнкеръ Каншей-Кучуковъ (онъ же Беймурзовъ).

Сентября 25-го дня. **Утверждается конференція.** Командующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, вадъ Сотникомъ Донскаго Казачьяго № 12-го полка Павломъ **Павловымъ**, который, за противузаконные поступки, разжаловывается въ казаки, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и ордена Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ отличіи во всѣхъ отношеніяхъ состоянія Кавказской Запасной батареи,—объявляетъ особенное Монаршее благоволеніе: Командующему Западной Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады Капитану **Стшескому**.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршее Своѣ благоволеніе: Дигорскаго племени Подполковнику Иналуку **Кубатеву** и Исправляющему должность Помощника Начальника Отдѣленія Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Хорунжему Черноморскаго Казачьяго войска Якову **Вабичу**, за отличіе усердную и ревностную ихъ службу.

Высочайшимъ приказомъ по Военному ведомству о чинахъ Гражданскихъ, Ноября 14-го дня 1854 года. **Производится:** **За выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:** Изъ Титулярныхъ Советниковъ въ Коллежскіе Ассесоры. Младшій Лекарь Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка **Лебедневскій**, съ 27-го Августа 1851 года. Баталіонный Лекарь Самурскаго Пѣхотнаго полка **Михельсонъ**, съ 16-го Февраля 1853 года. Лекарь Черноморскаго Ливійнаго № 6-го баталіона **Макушинъ**, съ 22-го Юля 1852 года. Младшій Ординаторъ Царскоколадскаго военно-временнаго госпиталя **Доренговетскій**, съ 16-го Февраля 1853 года. Въ Титулярные Советники. Тогоже госпиталя Младшій Ординаторъ **Киршико**, съ 28-го Юля 1850 года. Баталіонные Лекари: Тенгинскаго Пѣхотнаго полка **Привольневъ**,—съ 28-го Юля 1850 года. Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова полка **Михаловскій**, съ 16-го Февраля 1849 года. Кавказскихъ Ливійныхъ баталіоновъ: № 2-го, **Юхновичъ**. № 11-го, **Петровскій**,—оба съ 28-го Юля 1850 года. Грузинскаго № 2-го, **Сценура**. **Назначаются.** Главный Докторъ Темиръ-Ханъ-Шурипскаго военнаго госпиталя, Статскій Советникъ **Красноглазовъ**, Врачъ Чермоскихъ Г. Лазаревыхъ заводовъ, Медико-Хирургъ, Коллежскій Советникъ **Ивановскій**,—оба Главными Докторами военныхъ госпиталей: первый—Пятигорскаго, а послѣдній—Темиръ-Ханъ-Шурипскаго. **Переводятся.** Канцелярскій чиновникъ Николаевскій Карантинно-Тамоводительскій въ Царскоколадскій военно-временный госпиталь. Коллежскіе Регистраторы: Зміевскій Уздннй Землемеръ **Максимовъ** и Исправляющій должность Сумскаго Уздннаго Землемера **Котлиревъ**.

Севильскій Цирюльникъ представляется какъ фарсъ; но этотъ общій тонъ, необыкновенно ловко ему приданный, скрадываетъ только рѣзкость сюжета, изобразяющаго очеркъ мелочныхъ людскихъ пороковъ и слабостей. Я не знаю мелодрамы, которая-бы производила на меня такое впечатлѣніе, какъ эта шутка. Каждое лице такъ страшно вѣрно, каждый характеръ выказывается въ такой наготѣ, что при зрѣніи столь безотрадной истины невольно было-бы тяжело, если-бы только постоянная веселость подробностей допустила призадуматься.

Если-бы Севильскаго Цирюльника писалъ Русскій, Гоголь напримѣръ, то конечно всё, что теперь обозначено въ полу-тонахъ, выразилось-бы гораздо рѣзче, ярче и вычлѣнее. Такова особенность нашего народнаго художественнаго пониманія. Шутка наша опредѣлительна, и даже нѣсколько груба; она сперва досаждаетъ, а ужъ потомъ смѣется. Французская шутка прежде всего смѣется и все поднимается на смѣхъ... Ея веселость неистощима. Конечно, она признаетъ вѣтренности и равнодушія; но въ жизни и въ Словесности, она составляетъ неуловимую и неизвѣстную намъ стихію и допускаетъ безчисленные отбѣпки, распредѣляемые тонкимъ чутьемъ художественнаго приличія, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ приличіемъ нравственнымъ. Божарше написалъ фарсъ, имѣющій достоинство драмы, и въ этомъ очевидно доказалъ болѣе эстетическаго вкуса, чѣмъ многіе писатели, коихъ драмы имѣютъ достоинство фарсовъ.

О ходѣ лѣсы мы говорить не станемъ; онъ второстепенный и слишкомъ извѣстенъ. Но разберемъ характеры дѣйствующихъ лицъ; посмотримъ, что они выражаютъ.

Взгляни сперва на Розину. Не выказана-ли въ ней вся миловидная и опасная плутоватость женщины? Она—существо нарядное и нѣрѣшительное; она любитъ, потому что любовь ей къ лицу, что ей скучно, что опекучъ ея неспосенъ, старъ и безтолковъ. Но ты уже предчувствуешь, что героиня напрасной предосторожъ чѣ сдѣлается внодій

екій,—оба въ Мезевую Комиссію Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска и Магометанскихъ народовъ Ставропольской губернии Исправляющими должностъ Старшихъ Землемѣровъ.

Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Вѣдомству, 4-го Октября, Сотенный Начальникъ Имеретинской Дружины, бывшій Застѣтель Кутаисскаго Губернскаго Суда, Губернскій Секретарь **Князь Индикарадзе**, произведенъ, за отличную храбрость и распорядительность въ дѣлахъ съ Турками, въ Коллежскіе Секретари.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣе пожалованы кавалерами: **Ордена Св. Анны второй степени:** Октября въ 12-й день, въ возданіе за отличное оказаніе при участіи, 19-го Іюня 1853 года, Шапсуѣтскаго аула Сохокъ, дежащаго ниже впадевія рѣки Адагума въ рѣку Пшецъ, Капитанъ Генеральнаго Штаба **Вазанскій**.—Октября въ 14-й день, въ возданіе за отличное усердіе и дѣятельность при отклоненіи сборища Магометъ-Амина проникнуть въ Карачай, въ Іюль мѣсяцъ прошедшаго 1853 года, Кубанскаго Егерскаго полка Капитанъ **Ворзенко**. *Тогоже ордена третьей степени съ бантою:* Октября въ 19-й день, въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ дѣлѣ съ Горцами, 10-го Сентября 1853 года, близъ станицы Воздвиженской, при отбитіи захваченнаго у жителей той станицы скота, Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска, 2-го Кавказскаго полка Сотникъ Андрей **Кузнецовъ**. **Ордена Св. Анны третьей степени:** Октября въ 14-й день, въ возданіе за отличное усердіе и дѣятельность при отклоненіи сборища Магометъ-Амина проникнуть въ Карачай въ Іюль мѣсяцъ прошедшаго 1853 года, Командиръ Усть-Лабинскаго Артиллерійскаго Гарнизона, состоящій по Артиллеріи Капитанъ **Вайда**. *Тогоже ордена четвертой степени, съ надписью: «за храбрость»:* 1854 года Октября въ 14-й день, въ возданіе за отличное мужество и храбрость, оказанный въ дѣлахъ съ Турками, въ Ноябрь мѣсяцъ 1853 года, Тифлискаго Егерскаго полка Подпоручикъ **Девдарионъ-Гуликовъ**. Октября въ 20-й день, въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ дѣлѣ съ Горцами 11-го Декабря 1853 года, переводчикъ Присава **Карабулакъ** и Чеченцевъ, Поручикъ Хасакшукъ **Векбулатовъ**. *Золотую саблю, съ надписью: «за храбрость»:* 1854 года Октября въ 14-й день, по представленію Главноуправляющаго Путьми Сообщенія и Публичными Зданіями, согласно ходатайству Командующаго Отдѣльнѣйшій Кавказскій Корпусомъ, за отличное исполненіе порученіе въ устройствѣ моста, подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, въ дѣлѣ противъ Турокъ 2-го Января сего года, при Николаевскомъ посту, и исправляющій должностъ Начальника VI-го Отдѣленія VIII-го Округа Путьми Сообщенія Инженеръ-Капитанъ **Евниковъ**. *Золотую шапку, съ надписью: «за храбрость»:* 1854 года Октября въ 16-й день, въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ при отраженіи нападенія на постъ Подольскій многочисленнаго сборища Горцевъ, въ Іюль мѣсяцъ 1853 года, Сотникъ Довскаго Казачьяго № 31-го полка Василій **Думановъ**.

Распоряженія Морскаго Вѣдомства относительно раненыхъ и семействъ убитыхъ морскихъ чиновъ Черноморскаго флота.

Участіе чиновъ Черноморскаго флота въ защитѣ Севастополя сопряжено съ чувствительными потерями, которымъ глубоко соболѣзнуетъ вся Россія, и каждый день общественное сочувствіе къ раненымъ морскимъ воинамъ выражается посильными приношеніями, поступающими разными путями въ

Морское Министерство. Для устройства въ пріемъ сихъ пожертвованій надлежащаго порядка, по волѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Генераль-Адмирала, сдѣлано распоряженіе, чтобы подобныя пожертвованія принимались ежедневно въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ Морскаго Министерства, и о нихъ немедленно доводится до свѣдѣній Его Императорскаго Высочества, для доклада Государю Императору; пожертвованныя же вещи и деньги отсылаются безотлагательно по назначенію. Независимо отъ сего, разрѣшено Московскому Адмиралтействъ-Комиссіонеру принимать приношенія, въ пользу раненыхъ Черноморскаго флота, и пожертвованія сіи отправлять еженедѣльно въ Крымъ на нѣсколькихъ почтовыхъ тройкахъ. Изъ списка пожертвованій видно, что благотворители, входя въ подробное изысканіе нуждъ раненыхъ, умѣютъ съ замѣчательнымъ благоуміемъ разнообразить свои приношенія. Съ своей стороны высшее Морское Начальство употребляетъ зависящія отъ него средства, для пособія раненымъ, и къ призрѣнію семействъ убитыхъ. Съ сею цѣлю, независимо отъ мѣстныхъ попеченій, командированъ въ Крымъ, по волѣ Его Императорскаго Высочества, Генераль-Адмирала, Старшій Чиновникъ Военно-походной по Флоту Канцеляріи, Коллежскій Совѣтникъ Крыловъ, которому вѣрено въ обязанность: 1) Посѣтить въ Крыму всѣхъ раненыхъ чиновъ Морскаго Вѣдомства—отъ Адмирала до матроса—и семейства убитыхъ; 2) собрать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ: гдѣ, когда и какъ ранены, гдѣ и въ какомъ положеніи находятся, въ чемъ нуждаются, чего желали бы для себя или родныхъ, какъ идетъ лѣченіе ранъ и т. п.; 3) узнать, кто составляетъ семейства убитыхъ, въ какомъ положеніи находятся, чего желали бы; 4) объявить всѣмъ помянутымъ лицамъ, отъ имени Его Высочества, что все, что возможно, будетъ для нихъ сдѣлано; 5) по мѣрѣ собранія помянутыхъ свѣдѣній о каждомъ, отъ Адмирала до матроса, доставлять оныя, съ каждой почтой или съ курьерами, Его Императорскому Высочеству; 6) по обзорѣни такимъ образомъ всѣхъ раненыхъ, продолжать слѣдить за постояннымъ выздоровленіемъ ихъ и доносить о ходѣ лѣченія; 7) доставлять письма раненыхъ къ ихъ родителямъ и друзьямъ.— Независимо отъ сего, изъ пожертвованныхъ разными

лицами, въ пользу раненыхъ морскихъ воиновъ суммъ, отправлено къ Его Свѣтлости Князю Александру Сергѣевичу Меншикову, для выдачи раненымъ, 8,000 руб. серебра для стипендіи ухода за больными, отправлены въ Крымъ, на счетъ пожертвованныхъ суммъ, сестры милосердія.—Первый транспортъ, съ госпитальными принадлежностями, на семи почтовыхъ тройкахъ, былъ отправленъ въ Крымъ, съ состоящимъ при Комиссаріатскомъ Департаментѣ Майоромъ Яковлевымъ, 21-го октября, а изъ Москвы пожертвованныя вещи отправлены на трехъ тройкахъ 7-го ноября. По мѣрѣ полученія отъ Коллежскаго Совѣтника Крылова и Майора Яковлева подробныхъ свѣдѣній о положеніи раненыхъ, свѣдѣнія сіи будутъ неотлагательно сообщаться отъ Морскаго Министерства тѣмъ роднымъ и друзьямъ ихъ, на которыхъ раненые укажутъ, и, сверхъ того, извѣстія сіи будутъ по возможности печататься въ Морскомъ Сборникѣ.

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Городская наша хроника не можетъ умолчать о прекрасной, можно сказать, весенней погодѣ, которая стоитъ у насъ теперь, въ декабрь мѣсяцъ. Чистое, безоблачное небо, яркое солнце, почти съ лѣтними лучами, и наконецъ густая пыль иногда заставляютъ думать о невозможности существованія подлѣ нашихъ благодатнымъ небомъ другой поры года, кромѣ весны и лѣта; только раннимъ утромъ, и то слегка, подуетъ холодноватый сѣверный вѣтерокъ, какъ будто наполнивша собою русскую зиму. Но не на долго это напоминаніе. Тепло снова заставляетъ пѣшехода распахнуть ваточное пальто, надѣтое не по необходимости, а такъ, потому только, что давно наступилъ декабрь. Такая погода вызываетъ большую часть жителей подлѣ открытое небо (простолудины же и безъ того цѣлый день на воздухѣ); толпы гуляющихъ снуютъ изъ конца въ конецъ по Головинскому Проспекту; а проспектъ нашъ, какъ какой-нибудь сказочный герой, растетъ и хорошеетъ не по днямъ, а по часамъ. Безпрестанно являютъ новые дома, да такіе, которые могли бы занять не послѣднее мѣсто и на *Невскомъ*. Кромѣ того, на этой улицѣ—красѣ нашего города, являютъ одинъ за другимъ

свѣтской дамой, разряженной, безцвѣтной и безхарактерной, какъ и представилъ еѣ Бомарше въ своихъ послѣдующихъ комедіяхъ.

Подлѣ Розины красуется Альмавива,—Донъ-Жуанъ въ миниатюрѣ; но онъ далеко не доходитъ до порывистой, сокрушительной энергіи вѣчно неудовлетвореннаго искателя счастья и наслажденій. Альмавива—лѣвъ своего времени; онъ доволенъ собой, своимъ щитымъ кафтаномъ; онъ передѣвается, дурачится; онъ любитъ, какъ важный господинъ, убежденный, что никто ему противостоятъ не можетъ. Въ сущности онъ пустой человѣкъ, легкомысленный, избалованный, самолюбивый, упрямый, типъ жалкихъ особенностей, присвоенныхъ аристократамъ коварными умыслами французской словесности прошедшаго вѣка.

Главное лице драмы—Фигаро. Въ немъ выражается ужъ не типъ, а цѣлая порочная сторона человѣчества. То низкопоклонный, то дерзкій по расчету, вертлявый, остроумный, продажный, безъ совѣсти, безъ убежденій, онъ ищетъ только минутной выгоды и всѣхъ готовъ принести себѣ въ жертву, начиная съ отца своего Бартоло.

Бартоло олицетворяетъ скверный эгоизмъ, въ самомъ отратительномъ безобразіи; ему все въ почемъ—и молодость, и красота, и чувство. Выше, дальше себя, онъ ничего не видитъ и понять не можетъ.

Наконецъ Донъ-Базиліо—отъявленный мерзавецъ, готовый на всякую подлость, подготавливающій изподтишка нравственное убійство, трусъ, взяточникъ, признанный представитель и защитникъ клеветы.

Такимъ образомъ въ веселой насмѣлкѣ выражены самыя печальныя свойства человѣческой природы: малодушіе, легкомысліе, безнравственность, эгоизмъ и подлость. Отъ этой яркой картины всѣхъ видовъ себелюбія рождаются тигостное, разочаровывающее впечатлѣніе.

Но каждое слово такъ весело, что забываешь негодовать, такъ ловито-мѣтко, что оно невольно остается въ памяти.

Трудная была задача музыканту передать въ звукахъ не драматически-разсчитанные эффекты, а блѣстки ожесточеннаго противъ жизни остроумія. Передать чувства музыкою могутъ много, но передать умъ могъ едва-ли не одинъ Россини. Онъ гениально освоился съ своимъ

предметомъ, что иногда недоумѣваешь, не Россини-ли писалъ слова, не Бомарше-ли писалъ музыку. Вся партія Розины испещрена украшеніями: они, какъ бантики ея долго-обдуманнаго розоваго платья, такъ и опредѣляютъ граціозную ничтожность молодой красавицы. Въ цѣлой роли нѣтъ ни одного звука, заблѣгающаго въ сердце. Она блестяща и сверкаетъ, какъ молодость, какъ жизнь, какъ любовь, которая хотя и не глубокая и не надежная, а все-таки любовь. Впечатлѣніе отъ нея пріятное, минутное, но оно не оставляетъ въ душѣ слѣдовъ, хотя и миритъ нѣсколько съ остальными подробностями піесы.

Партія Альмавивы начинается прелестной мелодіей, исполненной чувственнымъ очарованіемъ теплой испанской ночи. Далѣе въ дуэтѣ уже обрисовывается развратная небрежность молодого вельможи и Фигаро ей подкакиваетъ насмѣшливо-подобострастной скороговоркой. Самый характеръ цирюльника, порывистая и язвительная его веселость съ истиннымъ вдохновеніемъ переданы въ его выходящей аріи.—Все они вѣрны сами себѣ. Партія Бартоло, какъ нелѣпнѣйшаго изъ дѣйствующихъ лицъ, доходитъ до карикатурности. За то исповѣдь Донъ-Базиліо проникнута мрачнымъ драматизмомъ, потрясающимъ какъ преступленіе. Такъ выдержана вся піеса до конца и вдругъ она кончается водевилнымъ припѣвомъ, гдѣ писатель и музыкантъ, пошутивъ надо всѣмъ, шутятъ кажется уже надъ собою, заключая свое созданіе съ явнымъ пренебреженіемъ. Но самое созданіе отличается не полнотою вымысла, а огненнымъ блескомъ частностей. Россини передалъ ихъ въ мотивахъ, которые, не наскучивъ, поются всеми, тогда какъ рѣчи Бомарше обратились въ пословицы.

Мотивы Россини не изысканны, не вынужденны, а лются сами-собою такъ легко и свободно, что каждому слушателю кажется, что онъ-бы самъ ихъ нашелъ. Но въ этой естественности и таится отпечатокъ гениа. Говорить языкомъ всѣхъ доступно весьма и весьма немногимъ.

Однако я забываю, что я пишу къ тебѣ и что ты загвердилъ навзусь всю оперу отъ доски до доски. Я помню даже одинъ случай, когда твой добрый знакомый, въ курточкѣ Фигаро, отбилъ у самого Альмавивы руку прелестной Розины.

Ты скажешь мнѣ, что достоинства и Бомарше и Россини тебѣ хорошо известны, но что имъ нужны истолкователи по плечу, что въ драматическомъ дѣлѣ исполненіе занимаетъ такое-же мѣсто, какъ мысль писателя, какъ фантазія музыканта.

Тебѣ, наконецъ, какъ критику и знатоку, любопытно провѣдать, какъ именно въ Тифлисѣ исполняется Севильскій Цирюльникъ. Вотъ чего ты отъ меня ждешь и что я долженъ тебѣ сказать, какъ ни оттягивалъ я длиннымъ предисловіемъ своего провинціальнаго призванія.

Во-первыхъ музыка Россини поется въ Тифлисѣ,—и это уже много значить. Тифлисъ столица Кавказа; а при мысли о Кавказѣ, конечно, не итальянская опера придетъ тебѣ на умъ. Однако вотъ 4-й годъ, что на Кавказѣ существуетъ опера, которую можно съ удовольствіемъ видѣть, а иногда даже и слушать.

Два года тому назадъ пріѣхали къ намъ изъ Венеціи двѣ молодыя дѣвушки. У одной изъ нихъ былъ первшительный сопрано, у другой первшительный контральто,—но оба были рѣшительно прекрасны собой, что видѣть не мешаешь, а на сценѣ составляетъ существенное достоинство. Контральто владѣло чудными, выразительными глазами и еще болѣе чуднымъ и выразительнымъ голосомъ, нѣсколько слабымъ, но серебристымъ и пріятнымъ до крайности. Голосъ доходилъ до верхняго sol, и отличался необыкновенной природной гибкостью,—самобытной гаммой, какую не часто удается слышать отъ опытныхъ пѣвицъ, и той свободой, что дается только пернатымъ пѣвучимъ да итальянскимъ голосамъ. Робкой красавицѣ не доставало только умѣнія фразировать, строгой школы, утѣренности въ пользованіи своими средствами,—словомъ посвященія во все тайны вокализации и театральныя подмогловы. Между тѣмъ она дебютировала и весьма поправилась публикѣ, но болѣе всѣхъ поправилась капельмейстеру г-ну Шеннигу; въ то-же время капельмейстеръ поправился ей болѣе, чѣмъ публика, для которой долго нужно учиться. Искусство ищетъ пустой славы, а любовь ищетъ счастья. Къ тому же въ Тифлисѣ нѣтъ еще любви къ искусству, нѣтъ даже искусства любви. Нравы наши патріархальны; семейная жизнь замѣняетъ порывы къ выгодной извѣстности. Не

ШАМИЛЬ ВЪ ПАРИЖѢ И ШАМИЛЬ ПОБЛІЖЕ.

(Продолженіе.)

Шамиль сталъ внушать Гамзатъ-Беку мысль о необходимости избавиться и отъ малолѣтняго Булачъ-Хана. Невѣстно по какой причинѣ внушенія эти остались безплодными, но достоверно, что невниманіе Гамзатъ-Бека къ убѣжденіямъ своего вѣроломнаго сподвижника послужило сначала источникомъ ненависти Шамиля къ Гамзату, а потомъ поводомъ къ ускоренію гибели послѣдняго. Къ честолюбивымъ замысламъ Шамиля присоединилась злѣсная мѣсть, не могшая простить Гамзатъ-Беку отвергнутого имъ внушенія. Шамиль сталъ выжидать и изыскивать случая погубить преемника Кази-Муллы, чтобы въ свою очередь сдѣлаться его преемникомъ, и въ то же время отмстить за оскорбленіе. Случай въ самомъ дѣлѣ скоро представился.

Послѣ кроваваго торжества надъ ханами и надъ столицей Аваріи, Хунзахомъ, Гамзатъ-Бекъ остался на жительствѣ въ этомъ селеніи, и даже занялъ ханскій домъ, что нисколько не заглушило ненависти къ нему Аварцевъ, бывшихъ или жертвами или свидѣтелями жестокостей коварнаго ихъ покорителя. Особенной ненавистью къ Гамзатъ-Беку отличались приверженцы и родственники погибшаго ханскаго семейства. Шамиль, зная духъ, оживившій недоброжелательныхъ хунзахскихъ Аварцевъ, вошелъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ тайныя сношенія, и старался раздуть пламя ненависти, внушая недоброжелательнымъ, что единственнымъ и неправымъ виновникомъ бѣдствій ихъ и всей Аваріи—Гамзатъ-Бекъ. Составился заговоръ, въ главѣ котораго сталъ Осмакилузъ Гаджіевъ (по другимъ: Османъ Зюль-Хаджіевъ), съ двумя своими внуками, Османомъ и Гаджи-Муратомъ. 19-го сентября, въ день большаго праздника у мусульманъ, Гамзатъ-Бекъ, какъ Имамъ, долженъ былъ совершить молитву въ хунзахской мечети. Этотъ день и это мѣсто были избраны заговорщиками для исполненія своего замысла. Гамзатъ-Бекъ былъ предупрежденъ объ угрожающей ему опасности, но не вѣрилъ ей, вѣри въ звезду свою и руководствуясь слѣпымъ фатализмомъ. Когда одинъ преданный мюридъ сообщилъ ему о существованіи заговора, Гамзатъ-Бекъ спросилъ его:—«Можешь-ли ты остановить Ангеловъ, если они придутъ за душой твоей?»—«Не могу»,—отвѣчалъ мюридъ.—«Такъ иди-же домой и ложись спать, сказалъ Гамзатъ,—что определено Аллахомъ, того не избѣжимъ, и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день—день моей смерти!»

День 19 сентября дѣйствительно былъ днемъ смерти заговорщиковъ, и обнаженное тѣло его четыре дня оставалось безъ погребенія на площади, неподалеку отъ мечети.

Въ это время въ Хунзахѣ Шамиля не было; но онъ издавна слѣдилъ за ходомъ заговора, и лишь только князья убились поразили Гамзатъ-Бека,—Шамиль немедленно

собралъ партію отчаяннѣйшихъ мюридовъ и провозгласилъ себя Имамомъ, т. е. главою мюридизма.

Нѣтъ свидѣтельствъ, которыя-бы объясняли, какимъ образомъ совершилось это самопровозглашеніе Шамиля. Но мы имѣемъ достовѣрные указанія относительно тѣхъ интересныхъ, характеристическихъ пріемовъ и обычаевъ, какими руководствуются вообще всѣ горскіе временщики-самозванцы въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ, наприимѣръ, чѣмъ сопровождалось самопровозглашеніе Шамилева предшественника (*). По смерти Кази-Муллы, Гамзатъ-Бекъ немедленно разослалъ воззваніе ко всѣмъ молламъ и старшинамъ дагестанскимъ, приглашая ихъ собраться въ сел. Кородахъ, куда онъ обѣщалъ также прибыть лично, для объявленія имъ весьма важнаго извѣстія. Приглашенные собрались въ назначенномъ мѣстѣ. Въ полдень, когда муэззинъ призываетъ правоверныхъ къ совершенію молитвы, толпа собравшихся мола и общественныхъ старшинъ тѣснилась уже у дверей мечети. Въ это время Гамзатъ-Бекъ вѣхалъ въ селеніе съ огромной свитой вооруженныхъ приверженцевъ. Гордо и смѣло вошелъ онъ въ мечеть, совершилъ намазъ, и повернувшись лицомъ къ народу, держалъ слѣдующую рѣчь: «Мудрые сподвижники тариката, почтенные моллы и старшины храбрыхъ обществъ! Кази-Мулла убитъ и молится за васъ на небѣ. Будемъ-ли къ нему не признательны, уменьшимъ-ли ревность въ исполненіи тариката, ослабѣемъ-ли духомъ послѣ смерти Кази-Муллы, святаго, который во всякомъ дѣлѣ будетъ помогать намъ, оставляя, во время битвы нашихъ съ невѣрными, гурій и рай изъ любви къ намъ?! Тарикатъ велитъ намъ вести войну съ Русскими, чтобы освободить нашихъ собратьевъ отъ ихъ власти; кто убьетъ Русскаго, тому обѣщано вѣчное блаженство; кто самъ будетъ убитъ въ дѣлѣ, тому предостоятъ рай со всѣми гуріями и утѣхами. Идите въ свои мѣста, собирайте народъ, внушайте ему наставленія Кази-Муллы; скажите, что если они не будутъ ревностно содѣйствовать великому дѣлу освобожденія родины, то наши мечети превратятся въ церкви христіанскія, а христіане поработятъ насъ всѣхъ. Но мы не можемъ оставаться безъ Имама. Кази-Мулла избралъ меня своимъ помощникомъ и назначилъ преемникомъ. Я объявляю казаватъ (религіозную войну) Русскимъ; начальникъ вашъ и Имамъ—я!»

Такая рѣчь, однако-же, не вдругъ принесла ожидаемые результаты. Слушатели Гамзатъ-Бека помнили нѣкоторыя его неудачи, и потому не совсемъ благосклонно принимали его воззваніе. Раздалось нѣсколько противорѣчащихъ голосовъ. Въ толпѣ старшинъ послышался ропотъ. Тогда Гамзатъ-Бекъ, выходя изъ мечети, обратился къ толпѣ Шамиля, заимствуемъ изъ разсказа, напечатаннаго въ «Кавказѣ» 1852 года, и составленнаго со словъ Маклача, сына чохскаго жителя Кази, у котораго въ дѣтствѣ жилъ Гамзатъ-Бекъ. Вослѣдствіи Маклача, въ офицерскомъ чинѣ, служилъ переводчикомъ при Конаковѣ, командовавшемъ войсками въ Северномъ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантъ князь В. О. Бебутовъ. Другимъ источникомъ для этой части статьи служило известное сочиненіе генералъ-маіора Черверовскаго.

новые магазины, одинъ другаго лучше. Вообще заслуживаетъ замѣчанія это переселеніе народовъ, это всеобщее стремленіе здѣшняго торговаго сословія выбираться изъ темныхъ, тѣсныхъ и неказистыхъ помѣщеній Армянскаго Базара и выбирать себѣ лавки на болѣе выгодныхъ, свѣтлыхъ, европейскихъ пунктахъ города. Такъ, мы не успѣли еще вдоволь налюбоваться великолѣпнымъ магазиномъ Фадѣ, помѣщающимся въ недавно отстроенномъ домѣ князя Мухранскаго, какъ явился другой—г. Германа, въ домѣ Арируни; изъ оконъ этого новаго магазина видно все внутреннее роскошное его убранство, невольно привлекающее къ себѣ взоры всякаго прохожаго. Вскорѣ послѣ появленія магазина Германа, рядомъ съ нимъ, въ томъ же домѣ открылся еще новый, почти столько же красивый и богатый выборомъ вещей. А возлѣ этихъ двухъ депо наружной роскоши, тоже недавно помѣстилось прибѣжище роскоши внутренней: мы хотимъ сказать о гастрономическомъ магазинѣ Луи Шарона; здѣсь самый прихотливый желудокъ найдеть для себя полное и совершенное удовольствіе. На всѣхъ вышеописанныхъ пунктахъ сосредоточивается преимущественно здѣшняя публика, усиленно пользующаяся прекрасной погодой, которая лишь въ ночь съ 9-го на 10-е число немого измѣнилась, впрочемъ къ лучшему: выпалъ небольшой дождь и хоть не надолго, да уничтожилъ для всѣхъ тягостную, донимавшую пыль.—Снѣгъ показался только на возвышенностяхъ, издали окружающихъ нашъ городъ.—Новой, питающихся, какъ извѣстно, всякую общественную жизнь, въ Тифлисѣ нѣтъ свѣжѣ той, которая сообщила намъ о черноморской бурѣ, переломившей нѣсколько десятковъ судовъ изъ комплекта англо-французской армады.... Къ числу же мѣстныхъ, нашихъ, новостей—ни Тифлиса, ни закавказскія провинціи въ послѣднее время не прибавили ничего интереснѣ перваго въ нынѣшнемъ театральномъ сезонѣ представленія Севиляскаго Цирюльника.... Но эта статья выходитъ изъ предѣловъ армянъ и составляетъ принадлежность сегодняшняго фельетона.

знаю, вторая или третья опера кончилась не притворнымъ убійствомъ, а настоящей свадьбой. Въ одно теплое тифлисское утро дѣвица Вазоли объявлена на афишѣ г-жею Шенингъ,—и старый споръ между итальянской и нѣмецкой музыкой благополучно порѣшенъ на Кавказѣ брачнымъ союзомъ.

Но какое довольство домашняго очага едва-ли совместно съ сольфежами, упорными триллерами, съ азбукой и грамматикой науки пѣнья.—Роль Розины исполнила г-жа Шенингъ,—и исполнила ее скорѣе какъ даровитая любительница, чѣмъ какъ самоуверенная примадонна. Но эта самая робость и нерышительность придавала роли новую прелесть,—особую естественность, въ которой мы въ этой партіи не привыкли, такъ какъ на нее покушаются обыкновенно только пѣвицы отважныя, заранее отчеканивши каждую ноту. Нѣкоторыя трудныя фіоритурны были переданы г-жею Шенингъ необыкновенно легко,—но самыя фіоритурны въ особенности fermato изъ andante ариіи отзывались нѣсколько германизмомъ, въ чемъ надо обвинить уже не ее, а счастливаго капельмейстера. Голосъ г-жи Шенингъ все такъ-же приятенъ и серебристъ, но возвысился на двѣ ноты и отъ этого сталъ можетъ быть еще немножко слабѣе. Объемъ его, довольно замѣчательный, достигаетъ верхняго si и do и спускается до густаго mi, слѣдовательно въ 3 октавы безъ 2-хъ нотъ. Въ пѣнь замѣтенъ тотъ-же недостатокъ ровности и рѣзкаго обрисованія музыкальныхъ фразъ. Объ игрѣ можно сказать, что Розина была дѣйствительно Розиной, не бойкой и черезъ-чуръ одушевленной, а недоумывающей, боязливой, какъ должно быть дѣвушка даже въ Севильѣ. За фортепиано г-жа Шенингъ сыгала по-русски боллерио соч. Шифа и, вообще, и для слуха и для взора впечатлѣніе было самое пріятное.

Роль Альмавивы исполнилъ—какъ-бы это тебѣ сказать, а выговорить нелегко,—хористъ здѣшней труппы. Въ Тифлисѣ было два тенора. Одинъ изъ нихъ считается по Россіи, другой успокоился на вѣки. По необходимости нужно было обратиться къ тенору подставному,—изъ собственныхъ средствъ, изъ домашняго обихода. Къ немалому удивленію публики, на сцену явился молодой человекъ съ пріятнымъ голосомъ и съ хорошими музыкальными познаніями. О методѣ и игрѣ, разумѣется, и поминать не аждетъ. Но самъ Рубинъ началъ тѣмъ, что былъ хори-

стомъ и даже участвовалъ въ балетахъ, какъ и самъ отъ него слышалъ, когда труппа, съ которой онъ странствовалъ, была освищена и онъ принужденъ былъ пойти да поплясать. Для г-на Сабателли этотъ анекдотъ можетъ послужить поощреніемъ. Жаль только, что дебютантъ начинается съ конца, съ самой трудной роли, когда-либо написанной для пѣвца и игры артиста. Можно сказать, что онъ пѣлъ добросовѣстно и что его слѣдуетъ благодарить не столько за наслаженіе, сколько за одолженіе, потому что безъ него и оперы не лезъ-бы было представлять. Въ финалѣ онъ былъ особенно слабъ и намазалъ лице такой кипричной краской, и такъ шатался, что настоящій графъ Альмавива—скорѣе бы отказался отъ руки Розины, чѣмъ прибѣгнуть къ подобнымъ средствамъ.

Роль Фигаро игралъ первый артистъ здѣшней труппы, г-нъ Рамони. Наружность его прекрасная, ростъ высокій, слишкомъ даже высокій для цирюльника, который долженъ быть развязенъ, ловокъ и суетливъ. Г. Рамони можетъ пѣть вездѣ такіа партіи, какъ Герпани, Риголетто и т. п. Высокій его баритонъ звучный до mi и доходящій до sol dièze; благородные его пріемы, артистическое его одушевленіе въ особенности эффектно въ музыкальныхъ драмахъ; но для настоящей роли голосъ его не имѣетъ довольно гибкости, а тѣлодвиженія довольно неподвижности. Впрочемъ онъ ничего и никогда не испортитъ. Г-нъ Вилла, представлявшій Бартоло—старый комикъ caricato, предпочитающій громкій смѣхъ райка эстетической улыбки партера, и хотя не всегда подчиняется строгому вкусу въ выборѣ своихъ старинныхъ фарсовъ, однако оживляетъ сцену. Выходки его въ особенности нравятся тѣмъ любителямъ музыки, которые приходятъ въ восторгъ, когда Бартоло снимаетъ парикъ, или обсыпанный мукою фыркаетъ въ лицо цирюльнику. Впрочемъ г-нъ Вилла артистъ опытный; когда у него былъ голосъ, онъ вѣроятно не прибѣгалъ къ крупнымъ остротамъ, передъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторыя остроты современной Словесности, возбуждавшія твое негодованіе.

Партію Донъ-Базиліо отлично пѣлъ г-нъ Викки, сильный и звучный басъ, который въ другихъ операхъ можетъ заслужить иногда нѣкоторое порчаніе за небрежность, но роль Донъ-Базиліо исполнилъ отчетливо и вполне удовлетворительно. Только арію о кавестъ могъ-бы онъ спѣть сер-

езиѣ и мрячиѣ, такъ какъ она уже выходитъ изъ общаго тона пѣсы.

Наконецъ надо сказать два слова и о Бертъ—г-жѣ Лаборне, сыгравшей свою роль съ разуміемъ.

Хоры исполнили свою обязанность прекрасно, оркестръ тоже, а будущій разъ исполнитъ еще лучше; первое представленіе бываеъ всегда послѣдней репетиціей (*). Севиляскаго Цирюльника впрочемъ уже играли въ Тифлисѣ въ прошедшіе года, но теперь опера поставлена за-ново. Речитативы, инструменталія, хоры, даже всѣ партіи пересмотрѣны и изучены съ новою тщательностію; капельмейстеръ г-нъ Шенингъ истинно соп атоге принялся за дѣло, порученное его дѣятельности и близкое его сердцу.

Изъ всего этого составилось, какъ ты видишь, цѣлое, довольно неудовлетворительное для вкуса избалованнаго, но не менѣе того дающее понятіе о созданіи двухъ гениальныхъ талантовъ. Но и гдѣ же, другъ мой Ростиславъ, встрѣчай ты совершенство?—Въ тѣсныхъ предѣлахъ земныхъ условій нѣтъ его, и одно только болѣе или менѣе удачное стремленіе къ нему и въ жизни и въ искусствѣ можетъ отличать немногихъ избранниковъ.— Не укоряй-же ихъ за ихъ недостатки, не гребуй отъ нихъ того, чего они дать тебѣ не могутъ, а напротивъ, будь имъ благодаренъ, хотя и за неровное эстетическое наслаженіе, которое они тебѣ доставляютъ.—А потому и не обвиняй Гогиа въ томъ, что въ многостороннемъ его дарованіи не доставало одной стороны, и что въ его задумчивости выржалось болѣе рѣзкости, чѣмъ мечтательности.— Не забудь наконецъ, что искусство со всѣми его идеальными требованіями недостигаемо какъ цѣль, но благотворно какъ средство, какъ свѣтлая вдохновляющая отрада въ тревогахъ утомленной жизни, и что другаго назначенія искусство не имѣетъ.

Гр. С.

(*). Позволяемъ себѣ къ этому художественному замѣчанію прибавить замѣчаніе газетное, отъ Редакціи: въ слѣдующій Вторникъ, т. е. 14 числа, представленіе Севиляскаго Цирюльника повторится, и на этотъ разъ г-жа Шенингъ будетъ пѣть съ фортепиано русскія романсы «Соловей мой, соловей» и Air de Balfe, а вмѣсто послѣдняго куплета—рондо изъ Червергола. Ред.

рѣшительному еще ропоту недовольныхъ, далъ знакъ рукою и важно и рѣшительно произвѣстъ: «Мусульмане! Вѣжу, что вѣра начала ослабѣвать въ васъ! Мой долгъ, «долгъ Имама, велитъ мнѣ навести васъ на тотъ путь, съ котораго вы совратились. Я требую отъ васъ повинности, или Гамзатъ принудитъ васъ повиноваться силою оружія!..» Грозное лице оратора, сжимавшаго рукоятъ шашки, приближеніе къ нему приверженцевъ, готовыхъ на всё,—смутили толпу правовѣрныхъ. Ни одинъ голосъ не возвысился для возраженія, шопотъ согласія отозвался изъ толпы, а Гамзатъ торжественно вышелъ изъ мечети, сѣлъ на коня и уѣхалъ изъ деревни, окруженный своими мюридами, весело вкрутъ него джигитовавшими.

Что нибудь подобное непременно должно было совершиться и при само-избраніи Шамиля. Иначе и не можетъ произойти возвышеніе одного надъ другими тамъ, гдѣ народная масса состоитъ изъ невѣжественныхъ и жаждущихъ добычи и крови изуверовъ. Догадливѣйшій, рѣшительнѣйшій и наиболее общающій неминуемо долженъ успѣвать въ планахъ своего честолюбія, и не нужно было Шамилю ни генія, ни доблестей, приписываемыхъ ему французскими журналистами, чтобы стать въ главѣ кавказскаго мюридизма. Изъ наглаго, но краснорѣчиваго самопровозглашенія Гамзатъ-Бека видно еще и то, что не первый (и, вѣроятно, не послѣдній) удалецъ этого рода является въ горахъ; что и до него тамъ умѣли выдвигаться изъ толпы люди, мало-мальски одаренные смѣлостью и словомъ, и что, слѣдовательно, Шамиль отнюдь не представляетъ горнамъ той новизны и сверхъестественности, какая мерещится его парижскимъ биографамъ. Настоящіе размѣры значенія Шамиля въ средѣ своихъ подвластныхъ будутъ опредѣлены ниже. Теперь же бросимъ послѣдній взглядъ на его дальнѣйшія походы.

Уже было сказано, что честолюбивые замыслы Шамиля касательно Аваріи встрѣчали нѣкоторое препятствіе въ лицѣ оставшагося въ живыхъ малолѣтнаго Булачъ-Хана аварскаго. По провозглашеніи себя Имамомъ, Шамиль немедленно направилъ свои помыслы на уничтоженіе этой послѣдней преграды,—послѣдней потому, что всѣ другія препятствія къ вліянію на Аварію были устранены ранѣе, а умы Аварцевъ были расположены въ пользу Шамиля за то, что въ новомъ Имамѣ видѣли они своего главнаго соучастника въ отищеніи Гамзатъ-Беку за униженіе Аваріи и за смерть ея хановъ, не подозревая, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Шамиль былъ еще виновнѣе, чѣмъ Гамзатъ-Бекъ. Гаджи-Муратъ, одинъ изъ внуковъ и главнѣйшихъ сообщниковъ заговорщика Осмакиязуль-Гаджі-хановъ принявшій на себя управленіе Аваріей, вмѣстѣ съ другими Аварцами раздѣляя попятнѣе довѣріе и совершенную преданность къ Шамилю... но не на долго. Вскорѣ обнаружился истинные замыслы новаго Имама, нисколько не утѣшительные для Аварцевъ. Еще не отваживаясь итти прямо на Хунзахъ, онъ, съ сильною партією приверженцевъ, явился подъ сел. Новый Гоцатль, гдѣ проживалъ на попеченіи Имамъ-Алія—дяди Гамзатъ-Бека, молодой Булачъ-ханъ аварскій. Шамиль потребовалъ отъ Имамъ-Алія выдать Булачъ-хана и всего богатства, оставленнаго Гамзатъ-Беккомъ. Имамъ-Алія немедленно выдалъ сокровища, но отказался выдать Булачъ-хана, будучи къ тому побуждаемъ памятью о предсмертномъ завѣщаніи своего сына Чопанъ-Бека, который участвовалъ въ убійствѣ аварскихъ хановъ въ лагерѣ подъ Хунзахомъ, и смертельно раненый ихъ нукерами, былъ привезенъ къ отцу своему. Умирая на рукахъ отца, Чопанъ-Бекъ раскаялся въ содѣйствіи къ убійству своихъ законныхъ хановъ и, ради души своей, просилъ отца сохранить отъ смерти малолѣтнаго Булачъ-Хана, который въ послѣдствіи могъ-бы получить принадлежащее ему аварское ханство. Встрѣтивъ упорство Имамъ-Алія, Шамиль употребилъ угрозы, и устрашенный опекунъ несчастнаго Булачъ-Хана нашелъ себя вынужденнымъ исполнить грозное требованіе. Молодой ханъ былъ выданъ Шамилю и, подвѣсивъ отищенію за смерть Гамзатъ-Бека, принялъ незаслуженную казнь: по приказанію Имама онъ былъ сброшенъ съ высокой скалы въ р. Аварское Кой-Су... При этомъ случаѣ опять проявляется, кромѣ закоснѣлаго злодѣйства Шамиля, и его замѣчательное лукавство: передъ Аварцами онъ выказываетъ себя мстителемъ за хановъ и убійцею Гамзатъ-Бека, а передъ прочими горскими обществами силится и успѣваетъ представить изъ себя мстителя за Гамзатъ-Бека. Но какъ бы то ни было,—Булачъ-Ханъ не существовалъ, а богатства Гамзатъ-Бека поступили въ казну Шамиля и были перевезены въ сел. Харачинъ.

Имамъ торжествовалъ. Но поведеніе его было разгадано Аварцами. Убіеніе Булачъ-хана открыло имъ глаза. Гаджи-Муратъ, управлявшій Аварією, возненавидѣлъ и сталъ опасаться Шамиля, вслѣдствіе чего и отдался подъ покровительство Россіи. Дальнѣйшая исторія этого искателя приключеній известна. Цѣлый Тифлисъ видѣлъ и помнить его сначала—своимъ преданнымъ гостемъ, а потомъ—казненнымъ измѣнникомъ (*).

(*). Гаджи-Муратъ долго благоденствовалъ въ подданствѣ Русскому

Послѣ вышеописанныхъ подвиговъ, изъ которыхъ ни одинъ не остался незапечатлѣннымъ кровью или вѣроломствомъ, Шамиль занялся обеспеченіемъ своей особы и распространеніемъ моральнаго вліянія на умы горскихъ обществъ. Для первой изъ этихъ цѣлей, онъ старался увеличить число своихъ приверженцевъ, соблазняя ихъ то обѣщаніями, то замѣчательнымъ своимъ краснорѣчіемъ, которое, по выраженію горцевъ, такъ велико, что когда говорить Имамъ, *глаза его извергають пламя, а изъ устъ сыплется цвѣты*. Примѣръ Гамзатъ-Бека научилъ Шамиля, что при малочисленности приближенныхъ и тѣлохранителей, особа Имама не въ безопасности и книжалъ возмутителя или честолюбца легко достигаетъ до груди священной особы. Для осуществленія-же второй-цѣли, т. е. для укрѣпленія и распространенія своего нравственнаго вліянія, Имамъ избралъ испытанное и вѣрное орудіе своихъ предшественниковъ: святошество *мюридизма*. Чтобы раскрыть и уяснить въ настоящемъ ихъ смыслъ наибольшую часть важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ, касающихся до *горскихъ тайнъ* (непонимаемыхъ французскими журналистами, которые принялись за нихъ съ такою безцеремонностью, какъ будто дѣло шло о пресловутыхъ *парижскихъ тайнахъ*), необходимо разсказать краткую исторію, и показать настоящее значеніе *кавказскаго мюридизма*. За тѣмъ мы снова обратимся къ нашему герою.

III.

Мы сказали: *кавказскаго мюридизма*... Этимъ выраженіемъ высказывается мысль о возможности подраздѣлить мюридизмъ на два вида: 1) мюридизмъ вообще, какъ видъ мусульманскаго ученія, или мюридизмъ настоящій, *подлинный*, и 2) мюридизмъ не истинный, не искренній, *кавказскій*, или мюридизмъ Шамиля.

Разсмотримъ и тотъ и другой, но настоящую часть нашего разсказа посвятимъ въ особенности первому.

Исламизмъ имѣетъ двойное ученіе: *шариатъ* и *тарикатъ*. Шариатъ есть законъ высшаго богопочитанія, основанный на словахъ пророка. Въ этомъ законѣ заключаются предписанія о молитвѣ, поклоненіи, подаеніи, омовеніи и постѣ. Шариатъ имѣетъ обязательную силу для всѣхъ мусульманъ. Тарикатъ-же есть высшее состояніе духовной силы и добродѣтели, достигаемое строгимъ исполненіемъ предписанныхъ правилъ, восторженною молитвою, благочестивымъ созерцаніемъ. Тарикатъ доступенъ не всѣмъ, а только избраннымъ, имѣющимъ досточно силы, чтобы отрѣшиться отъ всего земнаго. Эти-то *избранные* (по большому числу наставниковъ въ премудростяхъ тариката, и называются *муршидами*, а послѣдователи или ученики ихъ именуются *муридами*; отсюда и происходитъ та категорія явленій, которую мы называемъ *мюридизмомъ*).

Пламеннымъ, но лѣнливымъ обитателемъ Востока всегда правилась мысль объ уединеніи себя отъ общества. Въ уединеніи мечтали они духовно приблизиться къ Богу подъ могущественнымъ вліяніемъ созерцанія пустынной и величественной природы. Такое направленіе было несходно съ мыслию Мухаммеда, желавшаго основать свою проповѣдь на мечѣ и на кровавой враждѣ ко всему новѣроному. Одинокое и бездѣйственное созерцаніе не могло не соперничать съ новою вѣрою, успѣхъ которой зависѣлъ отъ энергіи первыхъ ея послѣдователей. По этой причинѣ пророкъ заклеилъ пустынно-жительство строгимъ отрицаніемъ, сказавъ, что *путь монашества въ Исламизмъ*, и будучи увѣривъ, что этотъ завѣтъ навсегда преградитъ путь въ новую религію началу, несходному съ его видами. Но расположеніе или склонность Востока къ уединенію созерцанію пересилила волю Мухаммеда и, основываясь на нѣкоторыхъ изрѣченіяхъ Корана, гдѣ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ говорится о презрѣніи къ благамъ міра сего,—образовали монашескіе ордена и ученіе *тариката*, преподаваемое муршидами, т. е. *указующими* путь *желающимъ*, или муридамъ. Колыбелью ученія о тарикатѣ

Правительству: въ послѣдствіи, соблазненный медовыми рѣчами Шамиля, измѣнилъ Россіи и сдѣлался ревностнѣйшимъ его наёмникомъ (наѣстникомъ); послѣ того, какъ-бы раскаявшись въ измѣнѣ, передался опять Русскимъ и довольно долго жилъ въ Тифлисѣ; наконецъ, измѣнивъ намъ вторично, покушался уйти въ горы, но въ окрестностяхъ Пухи былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Голова его была привезена въ Тифлисъ.

былъ, какъ кажется, *Джазире*. Тутъ, при дворѣ Халифовъ и въ окрестностяхъ Багдада, гдѣ постоянно жили и проповѣдывали ученіишіе богословы исламизма, возродились систематическія начала этого ученія, а отсюда распространились по всему Востоку. Абу-Мусаннатъ и Саидъ въ особенности способствовали процвѣтанію богословія въ Мерве, Бухарѣ и Самаркандѣ, и хотя нашествіемъ Чингиса и царствованіемъ первыхъ его потомковъ нѣсколько ослабилось его ученіе о тарикатѣ, но въ XIV вѣкѣ одинъ изъ свѣтилъ этого ученія, *Хазрати-Богоуддинъ-Шейхи-Накисъ-Бландъ* возбудилъ его съ новою силою. Въ XV вѣкѣ ученіе о тарикатѣ процвѣтало и съ тѣхъ поръ этотъ свѣточъ исламизма не потухалъ. (*)

(Продолженіе вперед.)

(*) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія, а также все, что будетъ далѣе сказано о существѣ мюридизма, заимствованы изъ превосходнаго анализа этого ученія, написаннаго Н. В. Хавыковымъ и помѣщеннаго въ газ. «Кавказъ» за 1847 годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Нѣкто изъ Пѣтцевъ желаетъ опредѣлиться въ услуженіе къ отъѣзжающимъ въ Россію господамъ. Спросить на Пескахъ въ д. Фридриха Мадера.

ПРОДАЕТСЯ РАЗНАЯ МЕБЕЛЬ, КАРЕТА ДОРОЖНАЯ, ЛОШАДИ УПРЯЖНЫИ и ВЕРХОВЫИ и проч., въ тифлисской пѣмецкой колоніи, въ домѣ Албрехта, напротивъ Лютеранской церкви.

Продаются ДОМОВЫИ МѢСТА около Чавчавадзеваго дома. О цѣнѣ спросить въ домѣ К. Ивана Амауни, 1-й части, противъ дома Халатова.

ПРИБЪХАЛИ: декабря 8-го: изъ ур. Манглиса полковникъ Моллеръ, изъ Ахалцыха подполковникъ Циммерманъ, изъ ур. Манглиса подпоручикъ Сельчинъ. 9-го: изъ Александрополя майоръ Мамошинскій и прапорщики Тихоновъ и Абрамовъ. 10-го: изъ Кутаиса подполковникъ Апостолъ-Келмичъ, изъ Боржома капитанъ Сохацкій, изъ Александрополя капитанъ Скратевскій, поручикъ Сперанскій, поручикъ Гвоздевъ, подпоручикъ Бирюковъ и прапорщикъ Коротковъ; изъ Манглиса подпоручикъ Теръ-Грикуровъ и прапорщикъ князь Голицынъ.

ВЫБЪХАЛИ: декабря 8-го: въ Телавѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Десимонъ и статскій совѣтникъ Значко-Яворскій, въ С.-Петербургѣ штабсъ-капитанъ князь Оболенскій, въ Александрополь прапорщикъ князь Амилагаровъ. 9-го: на Царскіе-Колодцы генералъ-майоръ Куравскій, въ Кіевѣ полковникъ Воронковъ, въ Манглисѣ подпоручикъ Сельчинъ, въ Ставрополѣ подпоручикъ Богомоловъ. 10-го: въ Александрополь статскій совѣтникъ Булолевъ, майоръ Савинъ, капитанъ Витте, въ Делижанское ущелье капитанъ Витте, въ Ахалцыхѣ штабсъ-капитанъ Бекманъ, въ сел. Воронцовку поручикъ Абетовъ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 12-го декабря: МЕЧТА ХУДОЖНИКА—балетъ соч. Пьерро. ВСЯКІЙ ЧОРТЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ—поговорка соч. Кони. ОТЕЛЛО НА ПЕСКАХЪ—фарсъ-водевиль соч. Каратыгина, музыка изъ оперы Россіи: Отелло. Танцы. Во Вторникъ, 14-го декабря: Второе представленіе СЕВИЛЬСКАГО ЦИРЮЛЬНИКА, соч. Россіи.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°		Скорость вѣтра въ футахъ.	Барометръ при 13 1/2 Р° Русс. поулун.	Направленія вѣтра.	состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
7 го Декабря.	7 утра.	+ 0,2	- 1,1	0,73	575,26	СЗ. слаб.	Обл. мѣсти.	- 0,6	+ 10,6
	1 попол.	+ 9,2	+ 4,6	0,38	575,34	СЗ. умѣр.	Ясно.		
	9 вечер.	+ 4,1	+ 2,0	0,63	576,09	СЗ. слаб.	Ясно.		
8-го Декабря.	7 утра.	- 0,6	- 1,5	0,80	576,39	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	- 1,2	+ 9,5
	1 попол.	+ 8,2	+ 4,6	0,48	574,94	З. оч. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 2,6	+ 0,6	0,61	574,46	СЗ. слаб.	Ясно.		
9 го Декабря.	7 утра.	- 1,3	- 2,2	0,80	573,32	СЗ. слаб.	Ясно.	- 2,2	+ 9,9
	1 попол.	+ 7,4	+ 4,0	0,49	571,01	Тихо.	Ясно и мгла.		
	9 вечер.	+ 2,8	+ 0,8	0,62	569,29	З. оч. слаб.	Обл. мѣсти.		